

Петроград, лето 1919 года

...ВЧЕРАШНИЕ черновики бесследно сгнули в огромной куче бумаг. Разве можно что-то найти в таком беспорядке! Горький раздраженно загасил окурочок в переполненной пепельнице. День явно не задался, и, пожалуй, поработать толком сегодня не получится. Он прислушался к звону посуды в столовой. Его огромная квартира на Кронверкском проспекте, 23, скорее напоминала

Горький бросил копаться в бумагах и прислушался. Гулко хлопнула входная дверь, послышались призывы: *“Дука, выходи, Корней пришел!”* “Дука” - это было его, Горького, прозвище. Он привел себя в порядок и вышел в столовую. Его там уже ждали.

- *Вот, познакомьтесь, - мягко сказал Чуковский, - это Мура, Мария Игнатьевна Закревская, прошу любить и жаловать.*

В левой стороне груди стало

были какие-то знакомые, ютилась по углам и лихорадочно искала работу. Кто-то надоумил ее пойти к Чуковскому, который работал в издательстве “Всемирная литература”. Мура пришла к нему просить переводов: она прекрасно знала английский и хотела переводить Уайльда и Голсуорси. Корней Иванович переводов ей не дал, зато поручил конторскую работу, с которой Мура справлялась великолепно.

Вскоре Горькому пришло письмо:

“Я почувствовала, что не влюблена в вас боле...”

комму - людей было много, кто-то жил постоянно, а кто-то временно. К тому же к обеду и к чаю всегда сходились гости - за стол садилось не меньше 15 человек. Горький всегда был чрезвычайно хлебосольным хозяином.

Хозяйкой в квартире считалась Мария Федоровна Андреева - бывшая звезда Московского Художественного театра, бывшая любовница Саввы Морозова, наконец бывшая гражданская жена его, Горького. С нею - ее секретарь и возлюбленный Петр Крючков. Потом еще художники Валентина Ходасевич и Иван Ракицкий. В угловой комнате жила молоденькая Маруся Гейнце по прозвищу Молекула, сирота... Живали и многие другие, которым некуда было пойти. Горький помогал всегда и всем - и в ссылке в Арзамасе, и на Капри.

Он был очень известен и популярен на Западе (там его считали приемником Толстого) и получал огромные гонорары, две трети которых раздавал - дальним родственникам, знакомым, родственникам знакомых и знакомым родственникам. Страшной зимой 1919 года к нему часто приходили за помощью ученые, писатели, актеры, художники - голодные, в обносках, и он помогал: выбивал пайки, справки, свидетельства... Пришла молоденькая поэтесса, плакала: грудной ребенок, молоко пропало. Горький немедленно написал письмо в соответствующее учреждение, а чтобы ускорить дело, намекнул, что речь идет о его незаконнорожденном ребенке. Это сработало, и тогда к Горькому косяком пошли молодые мамы. Вскоре ответственный за молоко товарищ взбунтовался и заявил, что не в состоянии обеспечивать молоком такое количество детей Горького, а самому писателю следовало бы постыдиться - при его статусе!

горячо и щекотно, Горький даже сам себе удивился.

Хотя удивляться было нечему, Мария Игнатьевна Закревская была во всех отношениях необыкновенной женщиной. Старинного дворянского рода, прекрасно образованная, умная, дальновидная и чрезвычайно привлекательная. Восемнадцати лет она вышла замуж за барона Бенкендорфа, родила ему двух детей. После революции детей она отправила в эстонское имение в Каллиярв. Вскоре туда же, спасаясь от большевиков, уехал муж. А сама Мура осталась в Москве: она влюбилась в английского дипломата Брюса Локкарта.

На самом деле Локкарт был разведчиком, он оказался замешан в так называемом “заговоре послов”. Много лет спустя выпустил книгу под названием “Воспоминания британского агента”, и по мотивам этой книги в Голливуде сняли шпионский фильм. Главными героями были, разумеется, Локкарт и Мура Закревская. Когда начался “красный террор”, Локкарта арестовали, а вслед за ним на Лубянку попала и Мура. Впрочем, ее скоро выпустили: в тюрьме она умудрилась соблазнить знаменитого чекиста Петерса, который был тогда правой рукой Дзержинского. А Локкарта вскоре обменяли на арестованного в Лондоне советского дипломата Литвинова.

Закревская оказалась в Москве совершенно одна, без денег и документов. В апреле 1919 года она узнала, что ее муж убит в Эстонии. Мура понимала, что надо забирать детей, которые остались теперь на попечении старой гувернантки. Но куда забирать и на что жить?

Она перебралась в Петроград, где у нее со старых времен

И когда Горький посетовал, что совсем замучился без грамотного секретаря, Чуковский и привел к нему Муру. Ее английский был очень кстати: Горький постоянно писал письма известным зарубежным писателям и общественным деятелям с призывами о помощи голодающим русским интеллигентам.

Мария Игнатьевна Закревская была во всех отношениях необыкновенной женщиной. Неаполь, 1926 г. (фотография Д. Макари)

